

A detailed close-up photograph of a butterfly wing, showing the intricate vein structure and a pattern of dark brown and black spots on a lighter brown background. The wing is the central focus of the image, with the text overlaid on it.

АНАТОМИЯ МОТЫЛЬКА

Тишков Владислав

Владислав Тишков
Анатомия Мотылька

«Автор»

2026

Тишков В. В.

Анатомия Мотылька / В. В. Тишков — «Автор», 2026

Алиса создаёт коллекцию, которой не должно было быть. Её материалы — не шёлк и парча, а украденные доверие, разбитые обещания и тишина после крика. Это — показ, где на подиум выходит обнажённая душа. Готовы ли вы на неё смотреть?

© Тишков В. В., 2026

© Автор, 2026

Владислав Тишков

Анатомия Мотылька

Анатомия Мотылька

В. Тишков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полый трофей и ржавое убежище

Воздух в лифте пятизвездочного отеля «Гранд-Вью» был густым и неподвижным, сваренным из смеси дорогих духов, табака и притворной любезности. С шипящим звуком, полным претенциозности, разошлись двери из матовой латуни. В кабину, пахнущую кожей и озоном, вошла девушка.

Алиса Воронцова.

В двадцать восемь лет она стала воплощением холодного, отполированного до ослепительного блеска успеха. Ее черное платье-футляр от собственного бренда «N'OROV» было сшито так безупречно, что казалось вырезанным лазером из самой ткани ночи. Оно произрастало из сердцевины фигуры, являясь продолжением ее выстроенной до миллиметра реальности. Единственное украшение — серебряная булавка с черным жемчугом, пронзающая воротник-стойку, скрепляла собственный идеальный образ, а может, и саму сущность девушки, не давая этому безупречному фасаду рассыпаться в пыль.

Выточенное лицо с высокими скулами и прямым носом казалось безупречной маской. Улыбка накрашена идеально, ровно настолько, чтобы демонстрировать успех, гримируя то, что не напоказ, а черты оставались холодными, серо-стальными, как осколки льда в глубине горного озера. В них читалась не усталость, а нечто более глубокое — тотальное, выжженное равнодушие.

Пространство лифта нарушил Феникс. Ему было под пятьдесят, усатый, дородный арт-критик с вечно запотевшим бокалом шампанского «Вдова Клико» в пухлой руке. Он был олицетворением того мира, презираемого ею всеми фибрами души, но в котором приходилось существовать. Клетчатый пиджак от Vtioni и галстук с кричащим абстрактным принтом кричали о его статусе громче любых слов.

— Алиса, дорогая! — его голос, слегка захмелевший, заполнил тесное пространство, ударив по слуху назойливой фамильярностью. — Поздравляю! «Лучший авангардный дизайн»! Ваше платье «Эфемерность»... вне конкуренции. Хотя, скажите честно, это ведь переработанный пластик? Гениально, конечно! Дешево и сердито, в прямом и переносном смысле!

Алиса повернулась к нему на каблуках-шпильках, которые могли служить скорее оружием, чем обувью. Ее улыбка не дрогнула ни на миллиметр, но в глазах засверкала сталь. В ее тонких, сильных пальцах, пальцах хирурга или ювелира, засияла тяжелая, граненая хрустальная статуэтка «Золотой Булавки». Трофей. Холодный и мертвый в ее руке кусок льда.

— Переработанные иллюзии, Феникс, — прозвучал ответ без единой ноты тепла или подобострастия. — Самый доступный материал на рынке и самый дорогой в утилизации.

Феникс фыркнул, брызги шампанского едва не попали на подол авангардного платья. Алиса инстинктивно отвела его в сторону.

— Остро! Как всегда остро! Ждем вашу следующую коллекцию. Говорят, вы ушли в затворничество. Готовите нечто... шокирующее? Надеюсь, не из мусорных пакетов? — он подмигнул, довольный своей шуткой.

Алиса проводила его взглядом, обернувшись, как энтомолог на редкое, довольно противное насекомое, которое вот-вот проткнет булавкой и поместит под стекло. Ее взгляд, тяжелый и аналитический, скользнул с его лица на галстук, оценивая не только безвкусицу, но и стоимость.

— Я всегда шокирую, Феникс. Знаете, раньше это называли «гламуром», а теперь это «искусство» в возвышенном проявлении. Разница лишь в цене на билеты и в размере гонорара за мое молчание.

Дзинь! Пронзительный, невыносимо бодрый звук возвестил, что лифт прибыл на этаж раздевалок. Алиса вышла. Каблочки отстукивали по персидскому ковру, а затем по мраморному полу четкий, отчужденный ритм, отсчитывая последние секунды ее старой, отмершей жизни.

— Берегите свой талант, дорогая! — крикнул ей вслед Феникс, придерживая дверь лифта рукой в золотом браслете. — Он так хрупок! Как фарфор! Не разбейте его о камни своего высокомерия!

Двери закрылись, отсекая его назидательную, самодовольную улыбку. Алиса замерла на секунду, ее спина оставалась идеально прямой, но плечи чуть сжались. Слово «фарфор» явно задело ее за живое, проникло сквозь все бронепойные слои равнодушия, как тонкое лезвие. Пальцы побелели, сжимая хрустальную статуэтку, этот полый, бездушный символ чужого, купленного признания.

Шлейф ее духов, холодный, почти медицинский аромат ириса и кожи смешивался с запахом дорогого табака, витавшим в коридоре. Просторная раздевалка, отведенная для VIP-гостей, была выстлана темно-бордовым бархатом, который беззвучно поглощал звуки. Воздух тяжелел удушающей смесью ароматов — «Crystalambre» от дивы оперы, сигар от продюсера, дорогого коньяка от банкира и потаенной, глубоко запрятанной усталости всех собравшихся здесь «творцов».

На центральном манекене из матового стекла, словно на троне, гордо восседало платье-победительница — «Эфемерность». Асимметричная, стерильная конструкция из песочного шифона, прозрачного биопластика и мерцающих «слез»-светодиодов. Оно выглядело безупречным. Безукоризненный крой, идеальные швы с абсолютным бездушием. Точным, выверенным трюком, фокусом, который все купили.

Алиса осталась одна. Гул голосов из-за двери стих, сменившись тиканьем напольных часов в углу. Она поставила статуэтку на резную полку из темного дерева, рядом с серебряным подносом с недопитым шампанским. Для нее это был музейный экспонат из чужой жизни.

Платье становилось все ближе. Ее собственное отражение в огромном венецианском зеркале в позолоченной раме все еще улыбалось. Застывшая, восковая улыбка. Она смотрела на него, затем на свое творение, и в ее глазах была пустота. Глухая, бездонная, как космос, куда не доходит ни один сигнал.

Рука, на которой теперь виднелись тонкие шрамы от иголок и утюга, потянулась к хрупкому сооружению. Ее пальцы замерли в воздухе у плеча манекена, в сантиметре от поверхности. Жест был одновременно нежным и разрушительным, полным сдерживаемой ярости и готовности все раздавить, стереть в порошок.

— Полный трофей... — шепот срывался, хриплый, обращенный к собственному отражению. — Для отъявленных предаторов. И я была самой хищной из них.

Резко, с яростью, она отвернулась от зеркала, схватившись пальцами за край туалетного столика. Ее лицо на глазах преображалось. Улыбка исчезла, стертая едким растворителем отчаяния. Мышцы расслабились, обнажая маску предельной, копившейся годами усталости. Она провела пальцами по лицу, оставляя легкие полосы на безупречном тональном креме, обнажая настоящую, живую, бледную кожу под ним. Круги под глазами, которые не брал самый дорогой консилер.

Потом потянулась к воротнику, к той самой серебряной булавке. Застежка туго поддавалась. Она сорвала ее с ткани, впиваясь взглядом в ее острое жало, в идеально круглый черный жемчуг, и затем швырнула в открытую сумочку Hermès. Движения были резкими, рубящими, полными накопленного, выстраданного отвращения — к себе, к ним, ко всей этой блестящей лжи.

Ее взгляд упал на забытую на столике розу из бутоньерки. Бордовую, с чернильным отливом. Безжалостным движением она сжала бутон в кулаке, чувствуя, как острые шипы впиваются в ладонь, в ту самую свежую ранку. Боль была острой, ясной, единственно реальной точкой в этом калейдоскопе фальши. Она разжала пальцы. На бархате столика остались капли крови, темные, как запекшийся гранат.

Дверь с черного хода, отмеченная лишь тусклой табличкой «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД», захлопнулась за ней с глухим, окончательным стуком, похожим на удар гроба о дно могилы. Бархатный, теплый блеск зала с его хрусталем и позолотой сменился тотальным, насильственным контрастом.

Узкой щелью просвечивал грязный переулок. Выщербленный асфальт, лужи с радужными разводами машинного масла. Мусорные баки, переполненные и источающие кисловатый, тошнотворный запах помоек. Похабные граффити на шершавых, столетних кирпичных стенах, кричащие громкими фразами и абстрактными рисунками.

Алиса прислонилась спиной к холодной, неровной поверхности, чувствуя, как влага и грязь проступают сквозь тонкую ткань ее платья. Она закурила тонкую сигарету, ее пальцы слегка дрожали, высекая огонь из зажигалки.

Мимо, пошатываясь, прошла пьяная парочка – подростки в истрепанных куртках, смеясь над своей же глупой, нечленораздельной шуткой. На Алису они не посмотрели ни разу. Здесь, в этом переулке, за чертой ее мира, она была невидимкой. Всего лишь одной из теней ночи, бледным призраком, залетевшим из другого, параллельного измерения роскоши, которому здесь, среди этого хаоса и убожества, не было ни малейшего дела.

Она посмотрела на тлеющий огонек сигареты, затем резким, отрывистым движением швырнула его под ноги и затушила острым каблуком. С таким чувством, будто давила что-то маленькое, назойливое и живучее внутри себя. Последнюю, еще пытавшуюся выжить, тлеющую часть своей души, которая упорно цеплялась за жизнь в том блестящем, бездушном мире.

Дверь автомобиля, темно-серого, матового Mercedes-Maybach, закрылась за ней с тихим, герметичным щелчком, отсекая внешний мир плотностью скафандра. В салоне, пахнущем кожей и свежестью кондиционера, воцарилась абсолютная, давящая тишина. Призрачно-приглушенный шепот двенадцатицилиндрового двигателя и монотонный, убаюкивающий гул шин по мокрому асфальту становились саундтреком ее бегства.

Неоновые огни реклам, витрин бутиков, светофоров проносились за тонированным стеклом, отражались в ее глазах, как в двух безжизненных озерах, не проникая внутрь, не находя отклика. Они говорили о непробиваемой крепости, которую возводят вокруг себя люди после нелегких испытаний.

Руки в тонких кожаных перчатках вцепились в руль так сильно, что тонкая кожа натянулась, обрисовывая каждый сустав. На левой ладони, прямо сквозь материал перчатки, проступало алое, болезненное пятно — свежий след от шипов розы из бутоньерки с того самого мероприятия. Казалось, Алиса намеренно сжимала руль именно этим местом, впиваясь в боль, наслаждаясь ее тупой, ясной, неоспоримой реальностью, что стало доказательством того, что она еще может что-то чувствовать.

Они хотят, чтобы я их шокировала. Удивляла. Кормила их голодные, ненасытные взгляды новыми формами, тканями, уловками... — пронеслось в голове, четко и холодно. — А что, если мое самое шокирующее платье — это моя кожа? Сшитая из шрамов, вывернутая наизнанку... Показать им не новый образ, а дыру в образе. Показать... нагую душу. Без прикрас. Без фильтров. Пусть наслаждаются.

Она резко, яростно повернула руль, съезжая с центральной, залитой неоновым светом магистрали в сторону темного, безлюдного промышленного района. От яркости к тьме. От центра к окраине. От их мира к себе. К своему убежищу и своему плену.

Мастерская располагалась в лофте на верхнем этаже бывшего чугунолитейного завода. Здание, поросшее вековой пылью и легендами, стояло особняком среди новостроек, как упрямый островок прошлого. Алиса припарковалась в тени, под разбитой аркой. Код на замке двери набирала автоматически, ее пальцы помнили эту комбинацию лучше, чем собственное имя.

Дверь открылась, впуслав ее в царство тишины и запахов, ставшее ей домом. Воздух здесь был другим — густым, насыщенным ароматами старого дерева, краски, скипидара и чего-то еще, неуловимого, металлического. Пространство казалось огромным, хаотичным и в то же время стерильным в своей творческой беспорядочности. Груды дорогого японского шелка и

французского бархата, привезенные когда-то с надеждой, соседствовали с ржавыми шестеренками и частями станков, оставшимися от прошлой жизни завода. Это была точная метафора ее внутреннего состояния — роскошь, проросшая сквозь ржавчину старой, непрожитой боли.

Алиса вошла, не включая верхний свет. Она прошла через зал, освещенный только призрачным, сизым светом уличных фонарей, который падал из огромных, до пола, окон в массивных заводских рамах. Длинные, искаженные тени от станков и манекенов тянулись за ней по бетонному полу, покрытому слоем краски и пыли.

Пыль витала в воздухе перед шестью манекенами, стоящими в ряд у дальней стены. Их пустота, безликость и жуткость пугали своей незавершенностью и одинаковостью. На каждом висел лишь небольшой, пожелтевший от времени листок бумаги, на котором было написано от руки одно-единственное слово. Густые и агрессивные черные чернила, ее почерк:

Редкий. Мотылек. Кольцо. Брошь. Цветы. Ветвь.

Манекен с табличкой «Ветвь» из матового гипса отдавал влажным холодом.

Рабочий стол — огромная, отслужившая свой век металлическая плита, покрытая царапинами, пятнами краски, воска и ожогами. На нем лежали пластами сюрреалистичные, пугающие зарисовки тушью и акварелью, больше похожие на медицинские атласы или иллюстрации к кошмарам: человеческое сердце, прошитое хирургическими нитями; легкие, сплетенные из колючей проволоки; скелет, одетый в пышную, ироничную свадебную фату из паутины.

Она сняла перчатку. На ладони, рядом со свежим следом от розы, алела старая, тонкая линия — шрам от ножниц, давний «подарок» от непослушной ткани. Бордовую розу из бутоньерки, уже начавшую вянуть, она сжала в кулаке. Чувствуя, как острые шипы впиваются в плоть, углубляя рану, она даже не сморщилась.

Бордово-черная кровь тонкой струйкой сбежала по ее запястью и, кап-кап-кап, упала на лежащий на столе чистый лист ватмана. Алый цвет медленно, неумолимо расплзался по белизне, как акварель, рождая новый, кровавый, не предначертанный никем эскиз.

— Я сжимал три бордовые розы... И вонзались в кожу шипы... Это все было несерьезно... Но мне было не до игры... — ее речь сорвалась в тишине, это был выдох, полный отчаяния и странной, рождающейся решимости.

Изуродованный, окровавленный цветок брошен под стол. Луч света выхватил из тьмы ее лицо — бледное, с синевой под глазами, и окровавленную ладонь. В этом резком свете она выглядела ученым на пороге страшного, запретного открытия, алхимиком, смешивающим свою собственную кровь в поисках философского камня.

Огромное, покрытое пылью и паутиной заводское окно. В этом грязном зеркале отражалось ее смутное, искаженное подобие. И за отражением, в глубокой, непроглядной темноте мастерской, ей чудился едва различимый силуэт. Женщина в черном. Он не двигался, просто присутствовал, был частью самой тени.

«Когда приходит любовь вне драмы... Она похожая на фантом...» — прозвучал внутри ее сознания бархатный, низкий контральто. Голос, знакомый с детства, когда-то пел ей колыбельные. «Можешь меня сохранить на память... И позабыть, как случайный сон...»

Алиса резко, по-кошачьи, отвернулась от окна, разрывая гипнотический и опасный контакт. Она подошла к самому угрюмому манекену, с табличкой «Ветвь». Взяла в руки старые, тяжелые, хирургические ножницы с тупыми концами. Холодный, отполированный до матового блеска металл блестел в единственном луче света с привкусом обещания боли и грядущего освобождения.

— Не в угоду себе из терний разлук... Я сплетаю колючую ветвь... — лезвия сверкали священным и жутким инструментом.

Она приставила холодный металл к своему запястью, чтобы вырезать из кожи, из души — невидимый, но ощутимый, живой кусочек пережитого. Первый образец материала для ее новой, страшной, исповедальной коллекции.

Тихий, резкий, безжалостный щелчок ножниц прозвучал в тишине выстрелом. Звук, разделяющий жизнь на «до» и «после».

Рассвет только разгорался, окрашивая небо над промзоной в грязновато-розовые и сизые тона. Блошинный рынок «Старый Город» уже просыпался, живя своей шумной, аутентичной жизнью, не похожей на стерильный утренний ритм центра. Это было место, где время текло медленнее, а порой и вовсе останавливалось. Повсюду, на растянутых брезентах и раскладных столах, были разбросаны вещи, несущие на себе отпечаток прошлых жизней: от старых кассетных магнитофонов «Электроника» и пожелтевших фотографий до выцветших кружевных воротничков и потрескавшегося фарфора с позолотой.

Здесь, в этой «чередѣ прошлого», как называли это место богемные жители района, работал Лео. Он не расставался с винтажной фотокамерой «Зенит-Е», висевшей на толстом ремешке. Лео снимал людей. Их души, проступающие сквозь призму быта, их неподдельные эмоции, которые они не могли скрыть, перебирая старые вещи.

Его взгляд через запотевший объектив выхватывал отражение в людях, растворяющихся в вещах. Крупный план — мозолистые, в глубоких трещинах руки старика, медленно перебирающего деревянные четки; морщинистое, как печеное яблоко, лицо женщины, смеющейся над чем-то своим, заветным, глядя на потертого плюшевого мишку; детские, широко раскрытые глаза мальчишки, отражающие весь этот торг величайшим сокровищем из сказки.

Лео двигался легко, непринужденно, он был своим в этой среде. Торговцы, вечно чем-то недовольные, кивали ему, здоровались за руку, он улыбался в ответ простой, открытой улыбкой, в которой не было ни капли снисхождения. Его фотография была неразличима с ловлей жизни, того самого неуловимого, хрупкого момента между вдохом и выдохом, составляющего суть всего.

Он присел на корточки рядом с развалом, где продавали старые фотографии и открытки. Пальцы, чуткие и бережные, с тонкими шрамами от порезов бумагой, аккуратно перебирали пожелтевшие, потрескавшиеся по краям снимки. Нашелся один. На нем была запечатлена девушка с безудержно смеющимися, лучистыми глазами и веткой сирени в руках, застывшая

в моменте безмятежного счастья где-то в середине прошлого века. Он задержал на нем взгляд, и на его губах появилась легкая, задумчивая улыбка. Он покупал украденное у времени мгновение, доказательство того, что счастье, пусть и мимолетное, все же существовало.

Алиса, в больших темных очках Diog и неброском бежевом пальто, стояла на краю рынка, на берегу чужого, незнакомого ей моря экзистенции. Для нее эта кипящая, хаотичная жизнь была как чужая планета, населенная странными, непонятными существами. Ее аналитический, привыкший выискивать пропорции и дисгармонию взгляд скользил по вещам, по людям, с немой и физиологическим вопросом: «Как этому можно радоваться? Как можно находить ценность в этом всем, что ей так незнакомо?»

Ее внимание, против ее воли, привлек Лео. Полная, абсолютная поглощенность процессом, его немой, интенсивный диалог с миром через стекло объектива. Он беседовал с реальностью, и реальность отвечала ему доверием.

Картина: Лео отсчитывает несколько смятых купюр старой торговке, у которой не хватало двух пальцев на руке, и отдает их за ту самую найденную фотографию. Платил сполна за кусочек чужого, забытого счастья, как будто покупал частичку собственной души.

Лео, почувствовав на себе тяжелый, изучающий взгляд, обернулся. Их глаза встретились на секунду. Алиса не отводила взгляд, ее лицо за темными стеклами очков не выражало ничего, кроме холодного, отстраненного любопытства. Лео смущенно улыбнулся и кивнул, как кивают незнакомому человеку, случайно встретившемуся с тобой взглядом в толпе.

Алиса медленно, преодолевая внутреннее сопротивление, подошла к его развалу.

— Вы покупаете чужие воспоминания? Или продаете свои?

Лео немного ошарашен прямоотой и странностью вопроса. Он на мгновение теряет его пальцы непроизвольно сжимают камеру.

— Я покупаю доказательства, — сказал он. — Доказательства того, что люди были счастливы. Даже если это давно прошло. Даже если это всего лишь один кадр, одна улыбка... напоминание. Самому себе.

Алиса наконец сняла очки.

— Счастье на фотографии — это всего лишь удачный кадр. Ошибка экспозиции. Случайность, попавшая в объектив. Реальность... реальность всегда остается за кадром. Размытой, переэкспонированной или мастерски смазанной.

— Может быть. — Лео пожал плечами, не споря, с легкой, неиссякаемой улыбкой. — Но даже ошибка может быть красивой. Иногда — особенно ошибка. В ней больше правды, чем в самой выверенной, стерильной композиции.

Он поднял камеру и почти не глядя, на чистой интуиции, щелкнул в сторону двух спорящих стариков у лотка с гвоздями и болтами. Щелчок затвора прозвучал четко, живой, уверенный. Звук человека, который знает свое дело и цель.

— Вы коммерческий фотограф? Снимаете для глянца?

— Нет. — он усмехнулся, и в его глазах мелькнула легкая ирония. — Я, наверное, анти-коммерческий. Фиксатор скорее. Ловец теней. Ловлю моменты, пока они не испарились, не канули в лету. Иногда меня нанимают, чтобы я снял жизнь со всеми ее трещинами, сколами и бликами.

— Меня зовут Алиса. Я дизайнер. — Пауза. Она выбирала слова, как отбирала ткани для новой коллекции — тщательно, безжалостно, отбрасывая лишнее. — Я готовлю новую коллекцию. Мне нужен свидетель. Тот, кто сможет увидеть процесс. И запечатлеть его. Без прикрас. Без ретуши.

Эта женщина, ее аура ледяного спокойствия, голос, в котором звенела сталь, — все было не похоже на его обычных клиентов, которые хотели увековечить свой успех, семейное счастье или красоту в обрамлении шикарных интерьеров.

— «Процесс» создания платьев? — переспросил он осторожно. — Звучит как...

— Это не про платья. Это про душу. Мою душу. Вам будет страшно. Неприятно. Возможно, противно. Вы можете не выдержать.

Ее слова повисли в воздухе между ними, тяжелые и многозначительные. Прогноз погоды, предвещающий ураган, от которого не спрятаться.

— Меня зовут Лео. — после долгой, напряженной паузы его лицо стало серьезным, он смотрел ей прямо в глаза, пытаясь разглядеть хоть что-то за этой ледяной маской. — И меня пугают как раз постановочные улыбки и лакированные, пустые жизни.

Алиса достала из кармана пальто аскетичную визитку из плотного крафтового картона, на которой не было ни имени, ни телефона, только адрес, выведенный строгим шрифтом — тот самый лофт на заброшенном заводе.

— Завтра. 10 утра. Не опаздывайте.

Ее фигура растворилась в утренней толпе так же внезапно и бесшумно, как и появилась, оставив после себя лишь легкий шлейф холодного ириса и ощущение неотвратимости.

Лео смотрел на визитку в своей руке, затем на ту самую купленную фотографию с девушкой и сиренью. Он чувствовал, что только что согласился на нечто большее, чем просто съемка. Он ощущал это как спуск в глубокую, темную шахту, в неизвестность, и в груди у него было странно, тревожно и безумно любопытно.

Крошечная квартирка-студия Лео находилась в старом и уютном дворе-колодце, куда почти не доходил шум города. Пространство было завалено книгами по философии, истории искусства и потрепанными фотоальбомами с именами вроде «Картье-Брессон» и «Роберт Франк». Повсюду на полках, на столе, даже на полу, лежали проявленные фотографии, сушились на веревках, натянутых через всю комнату, как гирлянды застывших мгновений. Уютный, дышащий творчеством и легким беспорядком хаос. В этом месте, где жили мысли и образы, а не вещи.

Лео стоял перед стеной, увешанной его лучшими работами. Все снимки черно-белые. Все о мгновениях между главными событиями, о тихой поэзии обыденности: старик в застиранной футболке кормит с руки доверчивых, наглых голубей; девушка в дождливом кафе задумчиво пьет кофе, глядя в запотевшее окно, за которым мелькают чужие зонты; ребенок спит, беззащитный и умиротворенный, на плече у усталого, засыпающего отца в ночном метро.

Он держал в руках визитку Алисы. Перебирал пальцами ее шершавую, неровную поверхность, пытаясь тактильно прочесть ту загадку, которую она представляла собой.

Он подошел к старому, потрескавшемуся проигрывателю «Вега», бережно поставил пластинку. Зазвучал меланхоличный, немного скрипучий отрывок песни, заполняющий комнату, как табачный дым, окутывая его и те странные чувства, что бушевали внутри.

Лео смотрел в окно на огни города, и они теперь казались ему призрачными, ненастоящими, бутафорскими по сравнению с тем миром, в который он, возможно, шагнул. В его глазах таилась смесь острого, щекочущего нервы любопытства и глухой, предостерегающей тревоги, будто он стоял на пороге чего-то, что изменит его, перевернет его внутренний мир, его творчество. И он не был уверен, хочет ли этого, готов ли к этому.

— Будет нелегко... — тихо произнес он сам себе, и его голос потонул в печальных звуках саксофона. — Звучит как самое честное предложение о работе в моей жизни.

Вернемся в лофт.

Алиса сидела на холодном бетонном полу, прислонившись спиной к безжизненному манекену «Ветви». На столе перед ней лежал тот самый лист ватмана с кровавым пятном, и оно уже начало темнеть по краям, подсыхать и трескаться, образуя причудливый узор, похожий на карту неизведанной земли. Рядом хирургические ножницы, схожие с орудием пытки или креативным инструментом творения, смотря с какой стороны посмотреть.

Приступ ночного отчаяния и ярости прошел, выгорел дотла, оставив после себя лишь холодную, кристаллическую решимость, твердую и одновременно хрупкую.

Тонкая, волосая кисть из колонка обмакнулась в запекшуюся темную кровь на листе, и на чистой его части появился рисунок. Это было нечто абстрактное, похожее на карту неизвестной, враждебной местности или схему поврежденной нервной системы. Она картографировала свои переживания, давая им форму, переводя хаос чувств в упорядоченный, пусть и ужасающий, визуальный ряд.

Он увидит. Или не увидит. Испугается и сбежит, как вздрагивающий кролик, назад в свой уютный мирок с кофе и джазом. Или останется, и его взгляд... его объектив... станут тем самым зеркалом, в котором я, наконец, увижу себя целиком, без самообмана. Но это уже не важно. Важно начать. Сделать первый, самый глубокий надрез. Выпустить первого, самого страшного демона на волю... Завтра. Завтра я начну шить свою исповедь. Свою автобиографию из плоти и крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.